

УДК 811: 321.01

КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ И КАУЗАЛЬНОСТИ В БИСИТУАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ: РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ XVI в.

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Автор статьи считает, что проблема взаимоотношений между двумя семантическими категориями, категориями оценочности и каузальности, не теряет актуальности в настоящее время. В целом ряде лингвистических работ выявлено, что семантика причинности тесно взаимодействует с категорией оценочности. Действительность, отображенная в высказывании, как правило, концептуализируется и квалифицируется с позиций одного и того же субъекта речи.

Цель статьи – выявление специфики использования категорий каузальности и оценочности для манифестации политических идей в текстах русской публицистики середины XVI в.

В работе анализируются публицистические тексты древнерусских писателей XVI в., содержащие двухчастные конструкции с семантикой описания причины и следствия, с семантикой описания оценки, связанной с ее причиной. Произведен сплошной анализ текстов И.С. Пересветова, Ивана IV, А.М. Курбского. Приводятся наиболее характерные контексты по извест-

ным авторитетным изданиям древнерусских текстов. На основе общей классификации контекстов по семантике отношений царя и его подданных вычленены четыре группы фрагментов с семантикой «благого» и «неблагого» взаимодействия царя и его вельмож и последствиями такого взаимодействия.

Автор приходит к выводу о том, что каузативные конструкции вследствие своей концептуализирующей природы проявляют ряд идеологических представлений авторов, принадлежащих к московской политической культуре XVI в. Специфичность биситуативных высказываний позволяет с достаточной уверенностью проследить логику рассуждений древнерусских авторов, посвященных тематике власти. В них автор статьи обнаруживает уверенность в жесткой зависимости причин и следствий, и эту уверенность можно назвать общей для Ивана IV, А.М. Курбского, И.С. Пересветова.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, древнерусские тексты XVI в., каузативность, обусловленность, причинно-следственные связи, Иван Грозный, Андрей Курбский, Иван Пересветов, образ царя.

Постановка проблемы. Взаимоотношения между двумя семантическими категориями: категориями оценочности и каузальности не раз были объектами наших исследований [ср. Михайлова, 2015]. Семантика причинности тесно взаимодействует с категорией оценочности, поскольку действительность, отображенная в высказывании, как правило, концептуализируется и квалифицируется с позиций одного и того же субъекта речи.

Цель статьи – выявление специфики использования категорий каузальности и оценочности для манифестации политических идей в текстах русской публицистики середины XVI в.

На наш взгляд, экспликация этих двух категорий в публицистических текстах И. Пересвето-

ва, А. Курбского и Ивана IV способствует более точному прояснению идеологических воззрений каждого из них.

Методология и методы. В работе анализируются публицистические тексты древнерусских писателей XVI в., содержащие двухчастные конструкции с семантикой описания причины и следствия, с семантикой описания оценки, связанной с ее причиной. Произведен сплошной анализ текстов И.С. Пересветова, Ивана IV, А.М. Курбского. В статье приводятся наиболее характерные контексты по известным авторитетным изданиям древнерусских текстов. На основе общей классификации контекстов по семантике отношений царя и его подданных вычленены 4 группы фрагментов с

семантикой «благого» и «неблагого» взаимодействия царя и его вельмож и последствиями такого взаимодействия.

Краткий обзор исследований категории причинности. Рассматривая причинность как частный случай отношений обусловленности, считаем эту семантическую категорию как одну из основополагающих в системе мировоззрения человека. По мнению лингвистов, «осознание собственно причинных (каузальных) связей возникает на почве уже осознанных связей сосуществования в результате более глубокого и обобщенного понимания действительности» [Якубинский, 1953, с. 255]. Видимо, не случайно категория причинности имеет длительную историю изучения в различных гуманитарных науках, и в лингвистике в том числе [см. об этом: Варшавская, 1984; Всеволодова, Яценко, 2013; Колесов, 2007, с. 256–260; Степанов, 1997, с. 753–775; Shibatani, 1976, p. 1–40].

Изучение категории причинности в историческом аспекте в русской языковедческой науке связано прежде всего с изучением сложных синтаксических конструкций с союзным подчинением и с изучением предложно-падежных форм [Ломтев, 1956, с. 368–394, 512–519; Коротаева, 1964, с. 198–224; Якубинский, 1953, с. 254–272].

Правда, хочется отметить работу, в которой предпринято диахроническое исследование категории обусловленности как функционально-грамматической категории на древнерусском материале [Акимова, 2007]. В этом исследовании категория обусловленности описана как «комплекс взаимосвязанных, иерархически организованных отношений и значений» с учетом особенностей развития и функционирования различных семантических составляющих данной категории [Акимова, 2007, с. 11]¹.

В данной статье исследование также строится с опорой на традиции функциональной грамматики и семантического анализа высказывания [Арутюнова, 1988; Всеволодова, 2000; Мустайоки, 2006; Теория..., 1987; Шмелева, 1988].

¹ Акимова Э.Н. Категория обусловленности и ее реализация в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 48 с.

Одной из важных единиц такого анализа является понятие языковой ситуации. Действительность в языке может отражаться по-разному в зависимости от способов концептуализации ситуации [см. о проблеме отображения ситуации в высказывании: Арутюнова, 1983; Гак, 1973; Демьянков, 1983; Теория..., 1987; Шмелева, 1988].

Значения обусловленности относят к типу биситуативных значений. «Обусловленность – это указания семантически ситуативного характера, то есть причина, условие, цель, уступка, следствие – это семантические ситуации. Соответственно, способы выражения обусловленности должны передавать информацию о ситуациях» [Евтюхин, 1997, с. 7–8].

Категория причинности объединяет две ситуации, связанных между собой отношениями обусловленности. В функциональной грамматике такие высказывания называются «биситуативными» [Типология..., 1969, с. 6]. Таким «биситуативным структурам присущ особый, интегративный смысл, характеризующий их как единое целое и не выводимый из простой суммы смыслов составляющих их частей – микроситуаций» [Типология..., 1969, с. 6]. Здесь важно пояснить, что в биситуативном высказывании микроситуаций может быть больше, чем две. Важно, что они обязательно объединяются в две смысловые части.

Краткий обзор исследований категории каузативности. Анализ семантики каузальности показывает, что ключевым фактором ее формирования является категория оценки. Оценка, по мнению М.В. Ляпон, это прежде всего мыслительная процедура, операция умозаключения. Естественно, что реализация оценки в тексте означает, что в дотекстовом состоянии произведена интеллектуальная или эмоциональная «обработка» какого-либо потенциального фрагмента текста [Ляпон, 1986, с. 26].

Сама логика каузативной категории, в которой важным фактором является семантика двух ситуаций, связанных между собой отношениями обусловленности, и та «смысловая координация между частями в двухчастных структурах обусловленности», создает много возможностей говорящему выявить свое отношение к действию

тельности, отраженной в каузативной конструкции [Евтюхин, 1997, с.16]. Интерпретация связи между ситуациями с точки зрения субъекта высказывания заложена в самой природе обусловленности как языковой категории. Вследствие этого каузально-оценочные смыслы позволяют исследователю выявлять представления человека о мире, его идеологию, точку зрения на то или иное явление действительности, событие. Мотивация обуславливающей связи между ситуациями является инструментом анализа менталитета автора, отраженного в высказываниях причинной семантики.

Оценка может быть выражена в тексте не только рационально-логически, она может осложняться различными эмотивно-экспрессивными смыслами. Все это позволяет эксплицировать идеологические воззрения говорящего, даже если они явно не выражены и присутствуют лишь в презумпции высказывания. Способность каузативных высказываний выявлять различные импликации становится еще более значимой в текстах, не являющихся современными для адресата. В таких случаях всегда появляется опасность «навязать» свой менталитет авторам текстов отдаленных исторических периодов. Каузативная семантика позволяет изучать миропредставления авторов на более определенных основаниях.

Семантика власти и ее исследования. Потустарные представления Московской Руси вызывают непрекращающийся напряженный интерес у исследователей в течение длительного периода [Будовниц, 1947; Вальденберг, 2006; Дьяконов, 1889; Юрганов, 1998].

Рассмотрим публицистические тексты трех писателей середины XVI в., воззрения которых на природу русской власти сыграли значительную роль в становлении средневековой политической мысли. Речь идет о текстах И.С. Пересветова, Ивана IV и Андрея Курбского. В идеологии этих авторов можно видеть много общего. Их объединяет понимание сакральности царской власти.

Для них является бесспорным, что действия царя обусловлены высшими духовными законами и что соблюдение этих законов приносит царству и подданным благополучие. При этом у

каждого автора свое видение исторических событий, свой набор идей, связанных с судьбами мировых царств и причин, которые могут привести к падению русского православного государства [Вальденберг, 2006; Каравашкин, 2000].

Среди большого комплекса проблем, обсуждаемых этими авторами, в данном исследовании остановимся на теме взаимоотношений царя и его подданных и принципах царского поведения в обращении с его подданными. Для анализа используем сложные биситуативные высказывания с каузативной семантикой.

1. И.С. Пересветов.

В центре внимания этого писателя – причины падения Византии и желание предотвратить подобную угрозу для русского царства. Пересветов, будучи писателем «провиденциалистского толка», придерживался теории казней Божьих [Каравашкин, Юрганов, 2003, с. 123].

По мнению современных исследователей, в его текстах явно говорится о выборе человека: «работати мамонъ» или следовать Божьему промыслу. В царстве Константина победила «активная сила, которая действует по наущению дьявола» [Каравашкин, Юрганов, 2003, с. 132].

Главными силами дьявола в греческом царстве являются вельможи царя Константина. За сознательное служение злым силам вельможи понесут свою ответственность перед Богом. Но и царь несет ответственность за отступление царства от Правды, т.е. от самого Христа.

В каузативных высказываниях эти идеи выражены следующим образом.

Идея № 1. Слабый правитель теряет свое царство из-за действий вельмож.

Причину падения Царь-града этот автор видит в действиях вельмож, не пускавших подданных к царю с жалобами:

«(С)² и Магмет-салтан потребивши Царьград и царя Константина вземши въру христианскую себѣ в мочь Богомъ выдана грѣхъ ради для их гордости, что (П) они мир отбивали от царя жалобников к царю не припущали» (БЧ).

² Здесь и далее знаком С обозначается описание следствия в цитируемом древнерусском тексте, а знаком П – описание причины. Список сокращений названий древнерусских текстов – в конце статьи.

Неуправляемость вельмож не только «обиду» творит в царстве, но и «отбивает» от царя «Божие милосердие»:

«(П) А управы во царстве Конянтинове никому не было от велмож Конянтиновых. А они, велможи, сами обиду во царстве дѣлали и царство оскужали. (С) То они не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали онѣ от царя Божие милосердие, да и отбили» (БЧ).

Идея № 2. Чародейства подданных отвратили царя от защиты интересов государства, и потому царство греческое было завоевано турками.

Отсутствие крепкой веры у греков допустило усиление влияния на царя чародейства и ослабило влияние на него военных людей:

«(П) (греки) за вѣру христьянскую крѣпко не стояли и царя укротили от воинства своими вражбами, и прелестными путми, и ерестными чародѣйствами. (С) И тѣмъ царство греческое, и вѣру христьянскую, и красоту церковную выдали иноплемянником турскимъ на поругание» (БЧ).

Категория причинности актуализирует в пересветовском тексте понятие «помехи», возникающей в царском правлении: «вельможи», не пропускавшие никого к царю, «вражда», «чародѣйства» подданных, не допускающие объединения царя и «воинства». Автор предупреждает о последствиях неустроения «помех»: все это ведет к падению православного царства, к выдаче его «иноплемянником турскимъ на поругание».

2. Князь Андрей Курбский.

Середину XVI в. на Руси можно охарактеризовать как продолжение идеологической борьбы стяжателей и нестяжателей. С точки зрения нестяжателей, русское государство при Иване Грозном находится «еще в худшем положении, чем во время монголо-татарского ига» [Лурье, 2010, с. 121].

Г.М. Прохоров назвал исихастское движение в эпоху Куликовской битвы «политическим исихазмом», поскольку идеология этого движения побуждала князя Дмитрия Донского начать войну за независимость Руси [см. об этом Прохоров, 2000].

Следуя его логике, В.М. Лурье говорит еще об одной программе «политического исихазма», борющегося за чистоту православия уже против самой Москвы. Лидером этой идеологии был «нестяжатель», ученик опального старца Артемия князь Андрей Курбский [Лурье, 2010, с. 121–135].

Напомним, что в западнорусских землях Андрей Курбский оставил о себе память как о мудром князе, защитнике православной веры, переводчике на славянский язык многих святоотеческих писаний. Андрей Курбский разрабатывает «свою теорию исторического развития, концепцию регресса, тесно связанную с идеей мирового зла». Власть Грозного представлялась беглому боярину как «последнее отступничество, заключительный акт мировой апостазии» [Каравашкин, Юрганов, 2003, с. 171].

Андрей Курбский использует причинную семантику для выявления связи между благочестием правителя и нравственным уровнем подданных, которые его окружают. От этих факторов зависит судьба московского царства. Согласно представлениям Курбского, все лучшее в восточнорусском царстве было в начале правления молодого царя Ивана, а дальше – отход и падение от блага, – и чем дальше, тем падение становится все глубже.

Каузативные ситуации с позитивной оценкой, эксплицированные в текстах Курбского, относятся к более далекому прошлому, когда царь еще не был «отступником» от истинного православия, и наоборот, чем ближе к моменту «настоящего», т.е. в момент написания текста опальным боярином, каузативная семантика используется для выражения отрицательной авторской оценки.

Идея № 1. Благочестивый царь принимает советы благих советников, и потому в царстве благо.

Курбский видит силу царя в его окружении. Наличие благих качеств у царя является необходимым условием для восприятия советов избранной рады, достойнейших советников. Время «благочестивых дней» царя, когда все дела у него шли «по благодати», и следование наставлениям «нарочитых синглитов» соединены в тексте причинно-следственными отношениями,

и наличие такой связи положительно оценивается автором:

«(П) Царь же нашъ абие совѣта храбрых послушав, а совѣтъ страшливых отвергъ: (С) иде к Туле-мѣсту, хотящи сразитися съ бусурманы за православное христианств» (ИВКМ).

Оценочная семантика, выраженная с помощью каузативной ситуации, дополняется высказыванием с временным придаточным, ограничивающим благость царя периодом, когда он окружал себя добрыми «синглитами» и слушался «правду совѣтующих»:

«(С) Се таков нашъ царь былъ, (П) поки любилъ окола себя добрых и правду совѣтующих, а не презлых ласкателей, над нихже губительнейшаго и горшаго во царствѣ ничтоже может быти!» (ИВКМ).

Идея корреляции «послушания» царем добродетельных подданных и наличие у него определенной силы на совершение успешных дел, например в добыче городов, важна для Курбского, и он повторяет ее несколько раз в разных текстах:

«(П) [град великий Полоцк со всью цѣлою церковью] егоже был достал еси персми своими, ...бо (С) еще тогда не всѣхъ был еси до конца погубил и розогнал, егда Полоцка досталь былъ еси» (ТПК).

Оценивая прошлое царя позитивно, он противопоставляет ему ситуацию настоящего времени (для автора и адресата), когда уже состоялся «разгон» и казни благих подданных.

Идея № 2. Царь слушает лукавых советников, и потому в царстве разорение.

Подданный царя видит причины многочисленных «язв», «гладов», «Москвы внезапное сожжения, и вся Руские земли спустошения» в том, что правитель стал слушать советы недостойных «прелукавых ласкателей», «погубников» царя и отечества:

«(П) егда прелстили тя презлые и прелукавые ласкатели, погубники твои и отечества своего, яко и (С) что приключилося: и яковыя язвы, от Бога пущенные, глады, глаголю... и преславутаго града Москвы внезапное сожжение, и вся Руские земли спустошение» (ППИ).

Таким образом, в каузативно-оценочных высказываниях А.М. Курбского царь представлен как пассивный субъект со слабым разумом. У него нет благих качеств, которые есть у добрых советников. Для Курбского одной из ключевых причин потери благости в царстве является потеря способности царя следовать разумным советам подданных. Проявление активного начала в царствующей персоне приводит к возрождению нечестивых черт в характере царя и превращает его в тирана.

По мнению исследователей, поскольку царь в России уподоблялся самому Христу, то неправедный русский царь идентифицировался с Антихристом [Успенский, 2000, с. 28].

Идея 'царь как антихрист' наиболее полно была развернута Курбским в его «Истории о Великом князе Московском», в которой явно виден отголосок мысли «раннего» Иосифа Волоцкого, что у неправедного царя власть от дьявола и о праве христианина не повиноваться тирану [Вальденберг, 2006, с. 167–182].

3. Иван IV.

Царь Иван IV основывался в своей концепции власти на представлении о богоизбранности царя. Он считал, что только прирожденные правители имеют право на дарованное Богом «самодержавство». Анализ самопрезентаций русской верховной власти в дипломатических государевых грамотах этого периода показывает, что эта идея, в общем-то довольно обычная для средневекового государства, дополняется новыми значениями и трансформируется в идею «о мессианском пути православного царя», который «выступит проводником своих подданных в Царство Славы» [Филюшкин 2006, с. 100–101].

Эсхатологические настроения, регулярно появлявшиеся на Руси в XV–XVII вв., интенсифицировали политические процессы, приводившие к мобилизации властей и всего православного общества [см. об этом: Синицына, 1998, с. 89–299; Юрганов, 1998, с. 306–437]. Например, по мнению известного историка, существует связь между введением опричнины и напряженными эсхатологическими ожиданиями перед последней семеричной датой XVI в. (7077 г. от Сотворения Мира) [Юрганов, 1998, с. 356–410].

Русский царь понимается как спаситель не только своих подданных, но и всех народов [см. анализ смены государственной символики у Филюшкин, 2006, с. 83–105; Хорошкевич, 2003, с. 58–133].

Поскольку подданные наделены «самовластью», они легко могут впасть в грех отступничества от своего царя и истинной веры и тем самым потерять свою душу. «Карательная функция царства» имеет своей целью направить подданных на стяжание жизни вечной [Каравашкин, Юрганов, 2003, с. 152].

Каузативные ситуации и конструкции проявляют логику царя в оценивании поведения его подданных, большей частью несправедного с царской точки зрения. Связывая в тексте своих посланий факты и события из жизни своих подданных причинно-следственными отношениями, Иван IV выражает ряд важных для него идей.

Идея № 1. Неблагойе действия подданных являются причиной различных нестроений в царстве.

Иван IV описывает достаточно много ситуаций, связанных с предательством подданных. Рассмотрим высказывания, в которых такие ситуации представлены именно с помощью причинной семантики.

(а) Ситуация выдачи врагу тайной информации.

Автор рассказывает о предательских действиях «собаки измѣнника старого ростовско-го князя Семена», за которые он был наказан, но «милостиво»:

«(П) *Та же по семь собака измѣнникъ старый ростовской князь Семень... литовскимъ посломъ, пану Станиславу Давойну с товарищи, нашу думу изнесть, ...*(С) *и мы то его злодѣйство сыскавъ, и еже милостиво казнь свою над нимъ учинили*» (ППИ).

(б) Ситуация открытия царем тайных замыслов подданных.

«(П) *Та же Божиимъ милосердиемъ намъ узнавшимъ и уразумѣвшимъ внятелно, и* (С) *сий совѣтъ ихъ разсыпая*»... (ППИ).

В этих двух приведенных выше высказываниях можно видеть, что в качестве причины высту-

пает процесс обнаружения царем предательства подданных: это могут быть действия реально-го политического сыска («*злодѣйство сыскавъ*»), и могут быть действия когнитивного характера, когда царь осознает, что происходит в царстве («*узнавшимъ и уразумѣвшимъ внятелно*»).

Действия правителя, пресекающие «*злодѣйства*», представлены как необходимые и обязательные.

(в) Ситуация отречения от царя.

Отречение от царя и нарушение «крестного целования» подданными воспринимается как «бесовской» поступок. Он служит причиной совершения ими целого ряда неблажих действий: «*нась всячески назирающе, блюдуще глаголанья и хождения*», «*сшивающе на нась поношения*»:

«(П) *И всюду, яко же бѣси на весь миръ, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники, нась же отвергшесе, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, на нась многоразличными виды всюду съти поляцающе и бѣсовскимъ обычаемъ нась всячески назирающе, блюдуще глаголанья и хождения, мняще нась аки безплотныхъ быти, и* (С) *от сего многая сшивающе на нась поношения и укоризны, и во весь миръ позорующихъ и к вамъ приносящее*» (ППИ).

Автор использует развернутое сравнение поступков своих бывших слуг с действиями и обычаями бесов, усиливая тем самым оценочный эффект от использования причинной семантики, подчеркивая греховность поведения своих бывших подданных.

(г) Ситуация получения царем страданий и тягот от своих подданных.

В качестве ответной реплики своему бывшему боярину Иван IV обсуждает, насколько сильно он пострадал из-за своих подданных:

«(П)... *и трудовъ множества от васъ прияхъ и отягчения безлѣпа, яко*(С) *по премногу от васъ отяготихомся паче силы*» (ППИ).

Таким образом, предательские действия подданных наносят вред царству и его правителю. Правитель должен их сначала обнаружить, т.е. выяснить, уточнить, узнать у кого-то или са-

мому проанализировать и ясно осознать, понять действия как предательские. Кроме того, царь претерпевает множество тягот, страданий, «поношений и укоризн» от подданных, которые позорят его за пределами царства.

Идея № 2. Неправедное поведение подданного по отношению к своему государю губительно для души этого подданного и для души каждого из его рода.

(а) Ситуация последствий гнева на государя.

Гнев на своего правителя губит душу подданного, т.к. ведет его к совершению действий против Бога:

«(П) ото сихъ бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна смертоносна, възъярився на мя и (С) душу свою погубивъ, и на церковное разорение стали есте» (ППИ).

Автор поясняет эту причинно-следственную связь:

«(С) Не мни праведно быти: (П) възъярився на челоуѣка и Богу приразитися; ино бо челоуѣческо есть, аще перфиру носить, ино же Божественно есть» (ППИ).

(б) Ситуация неправильной реакции на слово царя.

Подданный, не желая выдержать царский гнев, губит не только душу подданного, но и души его прародителей.

При обосновании этой идеи Иван IV опирается на особое понимание царской власти, включающее в объем этого понятия синтез различных традиций, в том числе и исконно русских, связанных с отношением к династии царственного рода. Царь обсуждает посмертное воздаяние не только своих подданных, но и своего деда, души которых губит неверное решение потомка:

«(П)... единаго ради малаго слова гнѣвна (С) не токмо свою едину душу, но и своихъ прародителей души погубилъ еси, понеже Божиимъ изволениемъ дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ в работу, и они, давъ свои души, и до своей смерти служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити дѣда нашего дѣтямъ и внучатомъ» (ППИ).

Автор интерпретирует решение подданного выйти из-под его власти как нарушение воли самих предков, что в русском средневековом обществе всегда расценивается как тяжкий грех.

Так, по мнению царя, предательство подданного губит весь его род и, что самое поразительное, не только потомков, но и прародителей для Вечной жизни.

Идея № 3. Подданный не захотел быть верным своему государю и по этой причине попадает под власть не истинного владыки.

(а) Ситуация приобретения подданным недостойного правителя.

Желание бежавшего слуги, которое царь оценивает как «злобесное собацкое хотѣние», притягивает соответствующую ему «породу» государя:

«(С) Сего ради такова и государя себѣ обрѣлъ еси, еже (П) по своему злобесному собацкому хотѣнию, еже ничимъже собою владѣюща, но паче худѣйша худѣйшихъ рабъ суца, понеже от всѣхъ повелеваемъ есть, а не самъ повелевая» (ППИ).

То, что беглец обрел правителя, который сам не повелевает, но им повелевают, и потому он «паче худѣйша худѣйшихъ рабъ суца», автор оценивает как справедливое наказание за отказ от государя, данного ему Богом.

(б) Ситуация отсутствия помощи в недостойном государстве.

Не настоящая сущность владыки, к которому сбежал подданный, функций – защитной:

«(С) Понеже и утѣшенъ не можеша быти, (П) понеже тамъ особъ кождо о своемъ попечении имѣя» (ППИ).

В обосновании этой причинно-следственной корреляции автор поясняет: *«(С) Кто убо можетъ избавити тя от насилныхъ рукъ и от обидящаго восхитити тя возможетъ, (П) иже сиру и вдовице суду не внемлюще» (ППИ).*

Итак, Иван IV, характеризуя отношения между царем и подданными, видит основную причину в государственных «нестроениях» в несоблюдении верности «прирожденному» государю. Иван Грозный с помощью каузативных конструкций эксплицирует корреляцию между пра-

ведным либо несправедливым служением подданного и качеством его дальнейшей жизни, в том числе и посмертной.

Заключение. Каузативные конструкции вследствие своей концептуализирующей природы проявляют ряд идеологических представлений авторов, принадлежащих к московской политической культуре XVI в. Специфичность биситуативных высказываний позволяет с достаточной уверенностью проследить логику рассуждений древнерусских авторов, посвященных тематике власти. В них автор статьи обнаруживает уверенность в жесткой зависимости причин и следствий, и эту уверенность можно назвать общей для Ивана IV, А. Курбского, И. Пересветова.

Список сокращений и источников

1. БЧ – Сочинения Ивана Семеновича Пересветова... 2. Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М.: Художественная литература, 1984. С. 602–624.
2. ИВКМ – История о Великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479. Т. 11: XVI в.
3. ППИ – Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подгот. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993. С. 12–52.
4. ТПК – Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 106–118.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, вып. 4. С. 120–156.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 311 с.

4. Вальденберг В.В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца 17 в. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 368 с.
5. Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 134 с.
6. Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: URSS, 2013. 210 с.
7. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 349–372.
8. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. 1983. № 4, т. 42. Сер.: Литературы и языка. С. 320–329.
9. Дьяконов М.А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. Спб., 1889. 224 с.
10. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 198 с.
11. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт Московской Руси: Жизнь и борьба идей в XVI в. // Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. С. 116–186.
12. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
13. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 626 с.
14. Коротаяева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л.: Наука, 1964. 250 с.
15. Ломтев Т.П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М.: Учпедгиз, 1956. 596 с.
16. Лурье В.М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М.: Три квадрата, 2010. 295 с.

17. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 199 с.
18. Михайлова Т.В. Внутренняя жизнь властителя и его подданных в конструкциях с именным причастием: к анализу оценочно-каузативных смыслов текстов повестей Смутного Времени // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2. С. 248–253.
19. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры: Studia philologica, 2006. 512 с.
20. Прохоров Г.М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. СПб.: Алетейя, 2000. 289 с.
21. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюции русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998. 410 с.
22. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
23. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 348 с.
24. Типология каузативных ситуаций / под ред. А.А. Холодовича. Л.: Наука, 1969. 311 с.
25. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 140 с.
26. Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 256 с.
27. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 620 с.
28. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: Изд-во КГУ, 1988. 53 с.
29. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 468 с.
30. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 367 с.
31. Shibatani M. A grammar of causative constructions: A conspectus // Syntax and Semantics. New York, 1976. Vol. 6. P. 1–40.

CATEGORIES OF EVALUATIVITY AND CASUALITY IN BISITUATIONAL STATEMENTS: RUSSIAN POLITICAL TEXT OF THE 16TH CENTURY

T.V. Mikhailova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The author of the article believes that the problem of the relationship between two semantic categories, namely, the categories of evaluativity and causality, does not lose its relevance at present. A number of linguistic studies have revealed that the semantics of causality closely interacts with the category of evaluativity. The reality reflected in the statement is, as a rule, conceptualized and qualified from the standpoint of one and the same subject of speech.

The purpose of the article was to identify the specificity of the use of categories of causality and evaluativity to manifest political ideas in the texts of Russian journalism in the middle of the 16th century.

The article analyzes the journalistic texts of Old Russian writers of the 16th century, containing two-part constructions with the semantics of the description of cause and effect, the semantics of the description of evaluativity associated with its cause. A continuous analysis of the texts of I.S. Peresvetov, Ivan IV, A.M. Kurbsky has been done. The article gives the most characteristic contexts of the well-

known authoritative editions of Old Russian texts. Based on the general classification of contexts on the semantics of the relationship between the tsar and his subjects, four groups of fragments with the semantics of “good” and “bad” interaction of the tsar and his nobles and the consequences of such an interaction are identified.

The author comes to the conclusion that causative constructions due to their conceptualizing nature show a number of ideological representations of the authors belonging to the Moscow political culture of the 16th century. The specificity of bi-situational statements allows us to trace with sufficient confidence the logic of the arguments of Old Russian authors devoted to the subject of power. In them, the author of the article finds confidence in the strict dependence of causes and effects, and this confidence can be called common for Ivan IV, A. Kurbsky, I. Peresvetov.

Key words: *syntactic constructions, Old Russian texts of the 16th century, causality, conditionality, cause and effect relations, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky, Ivan Peresvetov, the image of the tsar.*

References

1. Arutiunova N.D. (1983). Comparative evaluation of situations // *Izvestiya of USSR Academy of sciences. Series: literature and language*, 42 (4), 120–156.
2. Arutiunova N.D. (1988). *Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact*. Moscow, Nauka, 341 p.
3. Budovnits I.U. (1947). *Russian journalism of the 16th century*. Moscow; Leningrad. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 311 p.
4. Val'denberg V.V. (2006). *The Ancient Russian theories about the limits of Tsar's authority: Essays on Russian political literature from St. Vladimir to the end of the 17th century*. Moscow, Territory of the future Publishing House, 368 p.
5. Varshavskaya A.I. (1984). *Semantic relations in the structure of language (based on the material of modern English)*. Leningrad. Publishing house of Leningrad University, 134 p.
6. Vsevolodova M.V., Yashchenko T.A. (2013). *The Causal relations in the modern Russian language*. Moscow, URSS, 210 p.
7. Gak V.G. (1973). *The Statement and the situation // Problems of structural linguistics*. 1972. Moscow. Nauka, 349–372.
8. Dem'iankov V.Z. (1983). *Event in semantics, pragmatics and coordinates of text interpretation // Proceedings of the USSR Academy of Sciences*, 4 (42). Series: literature and language, 320–329.
9. D'iakonov M.A. (1889). *The Power of the Moscow sovereigns. Essays from the history of political ideas of Ancient Russia till the end of the 16th century*. Saint-Petersburg, 224 p.

10. Evtiukhin V.B. (1997). Category of conditionality in the modern Russian language and the theory of syntactic categories. Saint-Petersburg. Publishing house of Saint-Petersburg University, 198 p.
11. Karavashkin A.V., Yurganov A.L. (2003). Experience of Moscow Rus: the life and struggle of ideas in the 16th century // Experience of historical phenomenology. A difficult path to evidence. Moscow, RSHU, 116–186.
12. Karavashkin A.V. (2000). Russian medieval journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky. Moscow, Prometei, 418 p.
13. Kolesov V.V. (2007). The Russian mentality in language and text. Saint-Petersburg. The Petersburg Oriental studies, 626 p.
14. Korotaeva E.I. (1964). Conjunction subordinating in the Russian literary language of the 17th century. Moscow; Leningrad. Nauka, 250 p.
15. Lomtev T.P. (1956). Essays on the historical syntax of the Russian language. Moscow. Uchpedgiz, 596 p.
16. Lur'e M.V. (2010). Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. Essay on the history of the Russian Orthodox tradition between the 15th and 20th centuries. Moscow. Three squares, 295 p.
17. Liapon M.V. (1986). The Semantic structure of a complex sentence and a text: On a typology of intratextual relations. Moscow, Nauka, 199 p.
18. Mikhailova T.V. (2015). The Inner life of the Tsar and his subjects in constructions with nominal participle: to the analysis of evaluative and causative meanings of the texts of the novels of Smutnoye Vremya // Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev, 2. Krasnoyarsk, 248–253.
19. Mustajoki A. (2006). The theory of functional syntax: from semantic structures to language means. Moscow, Languages of Slavonic culture, Studia philologica, 512 p.
20. Prokhorov G.M. (2000). Rus and Byzantium in the era of the battle of Kulikovo. Saint-Petersburg. Aleteiia, 289 p.
21. Sinitsyna N.V. (1998). Third Rome. The origins and evolution of Russian medieval concept. Moscow, Indrik, 410 p.
22. Stepanov Y.S. (1997). Constants: Dictionary of Russian culture. Study experience. Moscow, Russian culture Languages School, 824 p.
23. The theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis / Ed. by A.V. Bondarko. (1987). Leningrad, Nauka, 348 p.
24. The typology of causative situations / ed. by A.A. Kholodovich. (1969). Leningrad. Nauka, 311 p.
25. Uspenskiy B.A. (2000). The Tsar and the Emperor: the Anointing to the Kingdom, and the semantics of the Royal titles. Moscow, lazyki russkoi kul'tury, 140 p.
26. Filiushkin A.I. (2006). The titles of Russian rulers. Moscow, Saint-Petersburg. Al'ians-Arkheo, 256 p.
27. Khoroshkevich A.L. (2003). Russia in the system of international relations of the middle of the 16th century. Moscow, Drevlekhranilishche, 620 p.
28. Shmeleva T.V. (1988). Semantic syntax: the text of the lectures. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk state university press, 53 p.
29. Yurganov A.L. (1988). Categories of Russian medieval culture. Moscow, MIROS, 468 p.
30. Yakubinskiy L.P. (1953). History of ancient Russian Language. Moscow. Uchpedgiz, 367 p.
31. Shibatani M. (1976). A grammar of causative constructions: A conspectus // Syntax and Semantics. New York, 6, 1–40.